

УДК [81'373:811.161.1]"10/16"

*Н.В.Соловьева, кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и истории языка БГПУ*

УСТОЙЧИВЫЕ НЕОДНОСЛОВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ И НАПИТКОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI–XVII ВВ.: ЛИНГВОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Объектом данного исследования стали неоднословные наименования продуктов питания и напитков, отмеченные в русском языке XI–XVII вв.¹ Интересующие нас номинации устойчивы в лексическом составе, однотипны с точки зрения структуры и представляют собой сочетание опорного слова (существительное со значением 'продукт питания') и атрибутивного элемента (прилагательное, причастие, (реже) существительное).

Выбор в качестве объекта рассмотрения наименований, соотношенных с денотативной областью «пища, еда», не случаен, ведь пища на любом этапе истории являлась не только неотъемлемым элементом человеческой жизнедеятельности, но и одной из важнейших составляющих культуры. Это подтверждается наличием у славян множества обрядов и поверий, связанных как с отдельными продуктами питания, так и с процессом приема пищи, и воплощается в известной сентенции «Человек есть то, что он ест».

Значимость «пищевого» сегмента культуры пробуждает исследовательский интерес не только филологический, но и исторический, археологический. Между тем археологические изыскания в этой области связаны с заведомо неразрешимыми проблемами, обусловленными спецификой пищи как элемента материальной культуры, отличающей ее от прочих артефактов, таких как, например, постройки, орудия труда, одежда и другие составляющие быта. И хотя современной исторической науке известны попытки биохимического анализа найденных ор-

ганических фрагментов [1], все же основным источником сведений об особенностях пищевой культуры славян остаются древние письменные тексты.

С этой точки зрения значимость лингвистических исследований переоценить трудно: выявление круга лексем, имеющих соответствующую денотативную отнесенность, исследование их происхождения (внутренней формы), установление парадигматических связей и особенностей функционирования в контексте – все это так или иначе способствует реконструкции связанного с пищей сегмента картины мира той или иной эпохи.

Так, уже беглый взгляд на состав лексем, выступающих в качестве опорных в интересующих нас неоднословных номинациях, позволяет сделать интересные наблюдения о том, какие продукты составляли основу «древнерусской диеты» в XI–XVII вв.: *медь, масло, хлѣбъ, рыба, пшено, икра, соль, молоко*. В свою очередь, наличие атрибутивного элемента свидетельствует об определенной языковой расчлененности, структурированности того или иного «пищевого» фрагмента картины мира.

Известно, что степень языковой расчлененности денотативной области находится в прямой зависимости от степени освоения соответствующего фрагмента действительности, которая, в свою очередь, обусловлена важностью предметной сферы для носителей языка [2, с. 162]. Следовательно, исходя из неординарной количественной представленности двусловных номинаций с различными опорными словами, можно предполагать, какие пищевые продукты имели наибольшее значение для человека в период XI–XVII вв.: *медь* (35), *масло* (18), *хлѣбъ* (8), *соль* (6).

Вопрос о лингвистическом статусе исследуемых номинаций, о возможности их включения

¹ В исследовании использованы материалы: Словарь русского языка XI–XVII вв.: Вып. 1–25 / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1975–2000. – Вып. 1–25.

в круг объектов исторической фразеологии не решен однозначно. В лингвистической литературе высказывались мнения о невозможности исследования древних устойчивых сочетаний с помощью критерия семантической спаянности компонентов, применяемого при изучении устойчивых единиц современного языка [3, с. 564–566]. Истоки проблемы видятся в том, что при анализе семантических особенностей древне- и старорусских неоднословных номинаций современному исследователю сложно «адекватно воспринять как сам факт семантической транспозиции лексико-фразеологического состава словосочетания, так и степень этой транспозиции» [4, с. 161]. Изучение особенностей семантики неоднословных наименований пищи в полной мере подтверждает точку зрения профессора Т.Г. Трофимович.

Так, одним из факторов, затрудняющих определение лексико-фразеологического статуса интересующих нас номинаций, является возможность неединственной интерпретации. Иллюстрацией сказанного может послужить номинация *красныи медь*, отмеченная в Словаре русского языка XI–XVII вв. дважды – соответственно, в статьях к словам *красныи* [СРЯ, т. 8, с. 19–21] и *медь* [СРЯ, т. 9, с. 54]. При этом в первом случае подчеркивается фразеологический характер словосочетания, что свидетельствует о фразеологически связанном употреблении прилагательного; в другом же случае словосочетание *красный медь* рассматривается как «типичное, характерное» для слова *медь*, наряду с *бѣлыи*, *черныи* и под. называющее сорт напитка по цвету [СРЯ, т. 9, с. 54].

Возможность неединственной интерпретации обнаруживает и другая номинация с атрибутом *красныи* – *красная рыба*, отмеченная в СРЯ XI–XVII вв. в значении ‘хрящевые рыбы, являющиеся высшим сортом съедобных рыб (осетр, севрюга, семга и др.)’ [СРЯ, т. 8, с. 21]. Иными словами, устойчивое словосочетание *красная рыба* следует интерпретировать как ‘ценная рыба’.

Между тем анализ употребления номинаций *красная рыба* и *красный медь* свидетельствует в пользу цветового значения атрибутивного элемента. Прежде всего, это контекстное противопоставление продукта с характеристикой *красный* продуктам с другими цветовыми характеристиками: *А рыба бѣлая, кромѣ красной рыбы, осетра и стерляди и лососи всякая, и раки есть* (Вед. о Кит. зем., 1669 г.). При этом важно заметить, что в данном контекстном употреблении прилагательное *бѣлыи* не развивает значения ‘неценный, низкого сорта’, а называет цвет мякоти рыбы.

Кроме того, в русском языке интересующего нас периода функционировали и другие неоднословные наименования продуктов с атрибутом *красныи*, где прилагательное актуализирует ряд различных оттенков (от рубинового до коричневого). Ср.:

- *красные блины* – блины из гречневой муки, которая придавала блюду специфический (красно-коричневый) цвет;
- *красная икра* – икра соответствующего (алого, оранжевого, кирпичного) цвета, в противоположность черной;
- *красное вино* – вино из темных сортов винограда, имеющее соответствующий (бордовый, рубиновый) цвет.

Цветовое значение прилагательного *красный*, актуализированное в составе перечисленных номинаций, также может служить подтверждением (хотя и косвенным) того, что мотивационным признаком наименований *красный медь* и *красная рыба* также являлась чувственно воспринимаемая цветовая характеристика продукта.

Наличие в русском языке XI–XVII вв. ЛСВ *красный* – ‘наиболее ценный’, конечно же, не исключает возможной интерпретации наименования *красная рыба* как ‘рыба ценных сортов’, однако такой вывод должен быть подкреплен выходящими за рамки лингвистических сведениями о ценности одних пород рыбы относительно других в эпоху средневековья.

Безусловно, экстралингвистические знания играют важную роль при исследовании лексико-фразеологической системы языка древне- и старорусского периода. Это особенно справедливо в отношении слов и словосочетаний, называющих конкретные реалии, в частности, в отношении интересующих нас словесных комплексов. Более того, недостаточность сведений внеязыкового характера можно выделить в качестве самостоятельного фактора, затрудняющего определение лингвистического статуса двусловных номинаций продуктов и напитков.

Сказанное может быть проиллюстрировано на примере номинации *выпускные оладьи*, где атрибутивный элемент, выраженный причастием, выступает в значении, не соотносимом ни с одним из представленных в СРЯ XI–XVII вв. [СРЯ, т. 3, с. 239]. Это обстоятельство могло бы послужить основанием для идентификации словосочетания *выпускные оладьи* как фразеологической единицы. Между тем мотивационная основа двусловного наименования кажется очевидной: *выпускные оладьи* – ‘оладьи, которые выпускают’, где значение причастия определяется значением глагола *выпускати* ‘дать возможность выйти наружу, выпустить’ и характеризует способ приготовления блюда. Такое

предположение, однако, не подкрепляется дополнительными лингвистическими фактами: в языке интересующего нас периода не отмечены другие номинации, дифференцирующие оладьи по способу приготовления. В этом случае аргументом в пользу сделанного предположения могли бы послужить сведения о способах и специфике приготовления данного блюда в эпоху средневековья.

Сведения такого характера особенно необходимы тогда, когда попытка сугубо языковой интерпретации при кажущейся прозрачности внутренней формы устойчивого двусловного наименования приводит к неожиданным и даже парадоксальным с точки зрения современного исследователя выводам. Так, словосочетание *кишки наливанные* в СРЯ XI–XVII вв. получает следующее толкование ‘род кушанья; кишки, наполненные жидкой начинкой’ [СРЯ, т. 10, с. 144]. Данная интерпретация основана лишь на языковых фактах: *наливанные* – признак по глаголу *наливати*, предполагающего в роли объекта существительное с семой ‘жидкость’ (*наливати* что?). Без сомнения, адекватность данной интерпретации, как и фразеологический статус наименования, могут быть установлены лишь путем соотнесения словосочетания *наливанные кишки* с «пищевыми» реалиями средневековья.

Неоднозначность определения фразеологического статуса неоднословных номинаций продуктов и напитков может быть связана с еще одним фактором, в основе которого лежит явление семантического синкретизма.

Так, номинация *капуста ленивая*, отнесенное в СРЯ XI–XVII вв. к бесспорным фразеологизмам [СРЯ, т. 8, с. 204], между тем обнаруживает возможность семантического членения с сохранением номинативного, не связанного фразеологически значения. Как кажется, трудность в определении фразеологического статуса здесь связана со спецификой значения слов *лень*, *ленивый*, относящегося к числу тех, которые даже в современном языке всем понятны, но трудно определяемы. Рассмотрим лишь один из примеров свободного употребления прилагательного *ленивый*: *Внимаи всякъ... о сложени перъстовъ, и не дряхлая рукою, полагаи на главу и на пупъ и на плечахъ – да не радуется дияволъ пустому и ленивому маханію* (Пустоз. сб., XVII в.). *Ленивый* здесь – ‘выполняемый без необходимых усилий, без особой тщательности’. Представляется, что близкое к этому значение прилагательного реализовано и в сочетании *ленивая капуста* – ‘капуста, приготовленная без усилий’. Безусловно, аргументом в пользу фразеологичности сочетания является то обстоятельство, что данное значение

может быть реализовано только применительно к действию (*махание*), а не к предмету (*капуста*). Между тем метонимическое употребление слова *капуста* имплицитно содержит сему ‘действие’: ‘продукт’ – ‘блюдо, приготовленное из продукта’.

Перечисленные факторы, несомненно, затрудняют изучение древне- и старорусских наименований продуктов на основе критерия семантической слитности, положенного в основу разграничения современных фразеологических единиц. Кроме того, рассматриваемые номинации в той или иной степени демонстрируют способность к семантическому членению и, следовательно, неидиоматичны, что, конечно же, сближает их со свободными словосочетаниями. Между тем исследователи все же видят основания для включения подобных наименований в число объектов исторической фразеологии ввиду их устойчивости и воспроизводимости [4], стабильности в строении, компонентном составе и употреблении [5].

Кроме того, несмотря на прозрачность внутренней формы и возможность семантической и грамматической разложимости, в составе данных номинаций компоненты обнаруживают все же большую семантическую близость, чем элементы свободных словосочетаний. Ср.: *Межа князю Семену со княземъ Иваномъ... от Оксенова Ъзу ратною дорогою х красному болотцу* (А. гражд. распр. I, 1539 г.) [СРЯ, т. 8, с. 20–21]. – *и подавалъ государь посланнику меды красные въ золотыхъ ковшѣхъ и въ чаркахъ* (Рим. имп. д. I, 1587 г.) [СРЯ, т. 9, с. 54]. Различие между отмеченными словосочетаниями видится в том, что в первом из них (*красное болотце*) возможность приложения признака *красный* к определяемому объекту носит ситуативный характер. В то же время в основе номинации *красный медъ* лежит стремление выделить признак характерный, свойственный не только непосредственно упомянутому продукту (напитку), а данному виду меда, выделяемому из числа других видов по цветовому признаку.

Именно характерность, типичность признака препятствует трансформации рассматриваемых атрибутивных конструкций в предикативные, в отличие от свободных словосочетаний. Ср.: *Васька Семенов сын, ростом невелик... очи красны* (Новг. каб. кн. I, 1603 г.) [СРЯ, т. 8, с. 20] – но: **меды красны? *рыба красна?*

Номинативная целостность неоднословных наименований продуктов, понимаемая как соотнесенность лексически расчлененной формы с единым понятием, несомненно, может выступать как дополнительный аргумент в пользу их фразеологичности. Впрочем, в качестве такого

аргумента можно рассматривать и гносеологическую природу анализируемых номинаций.

Происхождение такого рода словесных комплексов связано с активизацией процесса терминообразования в русском языке эпохи средневековья, что, в свою очередь, явилось отражением когнитивной установки на аналитизм, на дискретизацию «континуума действительности».

«Любое что-то возникает как осознанное только благодаря различию» [6, с. 211], а различие есть не что иное, как результат сравнения сущностей – нахождения и вычленения свойств и качеств. Как кажется, при таком способе дискретизации денотата сочетание атрибутивного характера – раздельно оформленное, но обладающее номинативной целостностью – наиболее простой и последовательный способ первичного языкового закрепления полученного знания (нового понятия), компенсирующий отсутствие особой цельнооформленной лексической номинации. (Собственно, это подтверждает и дальнейшая судьба некоторых из рассматриваемых устойчивых словосочетаний, которые в истории языка обнаруживают тенденцию к «свертыванию», универбации).

Таким образом, гносеологическая природа неоднословных номинаций может стать дополнительным свидетельством в пользу их фразеологического статуса. Между тем нельзя не согласиться с Т.Г. Трофимович в том, что подобные устойчивые единицы следует все же отнести к периферийному уровню фразеологии, используя для их идентификации термин «фразеологизированные» [4, с. 160–162], отражающий их промежуточное положение по отношению как к свободным словосочетаниям, так и к собственным фразеологическим единицам.

Гносеологическая природа фразеологизированных наименований продуктов питания предопределяет возможность их диахронического изучения с точки зрения специфики в познании свойств соотносимого с номинацией объекта (внеязыковой действительности). В этой связи представляет интерес сделанное Г.А. Селивановым замечание о недолговечности отмеченных в древне- и старорусском языке устойчивых словосочетаний: «Они почти все фразеологические историзмы, принадлежащие конкретной эпохе и конкретной ситуации» [5, с. 15]. Отмеченная особенность легко объяснима, если предположить, что при возникновении устойчивых номинаций определяющим является не объективное знание свойств именуемой реалии (продукта), а специфическое отражение этих свойств познающим субъектом, определяемое

их значимостью. В свою очередь, значимость свойств объекта может быть обусловлена как степенью освоения денотативной области, так и внешними социально-экономическими факторами, а также ценностными установками эпохи. Иначе говоря, появление фразеологизированной номинации *красныи медъ* лишь в языке старорусского периода (1587 г.) связано не с отсутствием в предшествующий исторический период медового напитка красного цвета в кругу пищевых реалий, а также не с когнитивной неспособностью выделить данный признак у объекта «мед», а с отсутствием необходимости дифференцировать родовое понятие 'мед' на основании цветовых различий.

Рассмотрим подробнее фразеологизированные номинации меда в русском языке XI–XVII вв.

Слово *медъ*, выступающее в качестве опорного элемента номинаций, восходит к и.-е. основе **medʰu-*, которая еще в индоевропейскую эпоху совмещала два метонимически связанных значения 'мед – вещество, производимое пчелами' и 'мед – напиток на основе данного вещества' [7, с. 604]. Эти значения слова *медъ* реализованы и в древнерусском языке, в том числе, в составе интересующих нас номинаций. На этом основании все фразеологизированные наименования меда, представленные в русском языке XI–XVII вв., могут быть разделены на две группы: наименования меда – вещества (*дивии медъ*, *половои медъ*, *крупчатый медъ* и т. п.) и наименования меда – напитка (*красныи медъ*, *вишневыи медъ*, *пошлыи медъ* и т. п.).

При рассмотрении двусловных номинаций меда обращает на себя внимание их неравномерная представленность в зависимости от языковой эпохи: при количественной множественности в старорусский период для ранних этапов исторического развития языка данные номинации единичны. Отмеченная особенность отражает наиболее общую диалектическую закономерность в развитии знания об объекте, его направленность в сторону аналитизма.

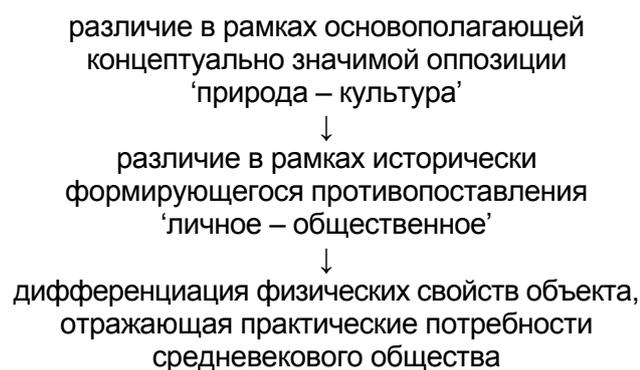
Так, для раннего исторического этапа существования русского языка отмечено лишь одно фразеологизированное наименование меда – *дивии медъ* 'мед диких пчел'. Существование данной номинации в древнерусском языке свидетельствует в пользу того, что при первичной дифференциации объекта «медъ» наибольшую значимость представляло различие видов вещества в зависимости от происхождения: 'вещество, вырабатываемое пчелами' → 'вещество, вырабатываемое дикими пчелами', противопоставленное продукту бортничества (пчеловодства) – одного из древнейших видов ремесла.

Данная дифференциация носит обобщенный характер и связана с одной из основополагающих концептуальных оппозиций 'природа – культура'. Следует заметить, что противопоставление природного (дикого) культурному (полученному в результате деятельности человека) имело приоритетное значение для характеристики видов пищи в традиционных обществах [1, с. 69].

В период XIV–XV вв. в русском языке отмечается появление новых двусловных номинаций с опорным словом *медь*: *оброчныи медь* и *половои медь*. Появление этих номинаций отражает изменение значимостных ориентиров при дифференциации объекта: на первый план в развитии знания об объекте выходит его структурирование в рамках противопоставления 'личное – социальное / общественное', что не в последнюю очередь связано с развитием общественных отношений в данный исторический период.

Наконец, в русском языке XVI–XVII вв. отмечено значительное увеличение числа неоднословных номинаций. И лишь в этот период языковой истории в качестве значимого основания для дифференциации обобщенного понятия 'мед' на первый план выходят физические, чувственно воспринимаемые свойства объекта. В частности, в качестве дифференцирующего начинает выступать признак 'консистенция / качество меда – вещества': *медь пушнои* ('неочищенный'), *медь крупчатыйи*, *медь патока*, *медь сырецъ*. Указанное обстоятельство, вероятно, объясняется тем, что именно в это время наблюдается усложнение в организации внеязыковой действительности, связанное с развитием производства, что, в свою очередь, приводит к возрастанию значимости физических характеристик меда, в различении которых раньше не было необходимости.

Таким образом, анализ представленных в русском языке XI–XVII вв. неоднословных устойчивых номинаций меда позволяет выстроить последовательность, отражающую специфику диалектического познания объекта 'мед – вещество':

Данная «шкала релевантности» ограничена хронологическими рамками XI–XVII вв., однако может быть продолжена, если принять во внимание историческую изменчивость «значимости» как величины, важной для гносеологической характеристики свойств объекта. Так, для современного носителя русского языка знание о 'меде – веществе' существует в рамках принципиально иных измерений, имеющих внеязыковую обусловленность: источник получения вещества (липовый, гречишный, цветочный, вересковый и т. п.), исконность происхождения (натуральный, искусственный), что, в свою очередь, находит отражение в соотносимых с рассмотренными наименованиями терминологических номинациях современного русского языка: *мед липовый натуральный*.

СОКРАЩЕНИЯ

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв.: Вып. 1–25 / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1975–2000. – Вып. 1–25.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добровольская, М.В. Человек и его пища / М.В. Добровольская. – М.: Научный мир, 2005. – 368 с.
2. Кузнецов, А.М. Объективные знания об окружающем мире и их отражение в лексике и лексикографии / А.М. Кузнецов // Слово в грамматике и словаре: сб. ст. / АН СССР, Отд. яз. и лит.; редкол. В.Н. Ярцева и др. – М.: Наука, 1984. – С. 159–164.
3. Пименова, М.В. К вопросу об изучении устойчивых сочетаний в диахронии / М.В. Пименова // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры: Междунар. науч.-практ. конф., Москва – Кострома, 17–19 марта 2006 г. – М.; Кострома, 2006. – С. 564–566.
4. Трофимович, Т.Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности / Т.Г. Трофимович. – Минск: БГПУ, 2003. – 223 с.
5. Селиванов, Г.А. Фразеология русской деловой письменности XVI–XVII вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. / Г.А. Селиванов; Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – М., 1973. – 50 с.
6. Бардина, Н.В. Языковая гармонизация сознания / Н.В. Бардина. – Одесса: Астропринт, 1997. – 271 с.
7. Гамкрелидзе, Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: в 2 ч. / Т.В. Гамкрелидзе, В.Вс. Иванов. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1998. – Ч. 2. – 420 с.

SUMMARY

The article deals with peculiarities of stable non-one-word nominations of food and drinks functioning in the Russian language of XI–XVII centuries. The lack of necessary extralinguistic data making possible a nonunique interpretation of the analysed combinations as well as semantic syncretism of the component lexemes significantly complicate defining their linguistic status and their unconditional qualification as phraseological units. Meanwhile, a high degree of semantic cohesion and gno-seologic nature of the given nominations let us include them into a number of peripheral objects of historical phraseology.